

Пролог

Ястреб медленно кружил над высоким шпилем монастырской колокольни, высматривал глупых голубей. Город трёх холмов, великая королевская столица, могучий Остерберг плавно поворачивался вокруг шпиля. Горбатилось троехолмие, покрытое коркой черепичных крыш. В былые времена холмы соединялись мостами: широкими, как улицы, с домами и лавками; узкими, висящими на цепях; короткими горбатыми, сложенными из необработанных валунов. Строили их через городские овраги с быстрыми ручьями на дне кто хотел и как хотел. Оттого и соединяли они склоны трёх холмов на разной высоте, иногда крест-накрест или прямо друг над другом. Вершину каждого холма венчала крепость-корона: королевский дворец, монастырь Святого Стефана, замок вечно мятежных Ставров.

Но то было до войны. Теперь же на месте снесённого замка виднелась куча битого камня, из которого торчали бурые стебли бурьяна. Над бурьяном гордо развевался королевский штандарт, ибо в уцелевших подвалах размещалась городская тюрьма.

Вместо висячих мостов болтались обрывки ржавых цепей. Мост Шести Огней взорвали со всеми его

домами, лавками и шестью знаменитыми на весь свет масляными светильниками.

Досталось и городской стене. Столицу брали приступом столько раз, что даже немногочисленные уцелевшие старожилы сбились со счёта. Кто говорил десять, а кто — двенадцать. Внутри стен добрые горожане тоже не сидели сложа руки: улица шла на улицу, один высокий род на другой. Иногда, объединившись, всем скопом штурмовали королевский дворец, занятый очередной временно победившей шайкой заговорщиков (она же отряд благородных освободителей).

Однако нынче всё успокоилось. Как это случилось, никто объяснить не мог. Соперники, яростно рвавшиеся к власти, то ли перебили друг друга, то ли скончались без посторонней помощи во время мора, освободив разрушенный дворец и еле живую столицу для нового короля.

Король явился по западной дороге с небольшим войском. Был он родом из Остзее, но по крови здешний, из старой династии. Поговаривали, что его отыскал и с корнем вырвал из родного скромного поместья остзейский император Чарлониус, желавший подмять под себя пусть разорённую, но весьма богатую рудами и лесом страну. Но сопротивляться никто не стал. Сил не было, да и вождей подходящих не нашлось. Всё же по крови настоящий Остравский. Может, порядок наведёт. И верно, для начала худо-бедно привели в порядок дворец, заделали дыры в городской стене, поставили у ворот стражу и стали жить дальше.

Ястреб качнул крыльями, заходя на следующий круг. Голуби не показывались.

Осенняя морось висела на городских трубах, цеплялась за стены и башни, скрывала лесистые холмы,

за которыми, сливаясь из двух притоков, начиналась великая Либава, сыпалась на ведущие к городу дороги. Дорог было три.

По северной споро катился крытый возок, запряжённый шестернёй цугом. Возок сопровождали трое конных, заляпанные грязью по самые брови.

По западной, по ступицу увязая в той же грязи, тащи́лась повозка с парусиновым верхом, увлекаемая вперёд конём добрым, но уже в летах, степенным и многое повидавшим. Парусину украшали рисунки и надписи, от времени, солнца и непогоды давно превратившиеся в ряд выцветших пятен. На козлах, уныло сгорбившись, сидел здоровенный дядя, закутанный в почерневший от дождя суконный плащ. Сзади из-под парусины печально высывалась лохматая собачья морда.

По южной дороге, вдоль мутной от осенних дождей Либавы нервно подпрыгивала на новомодных рессорах изящная карета с настоящими стеклянными окнами. Лошади, правда, были плоховаты, из тех, что дают проезжающим на почтовых станциях. В правом окне сквозь брызги грязи виднелась тоскливо приплюснутая к стеклу детская физиономия.

Карета достигла города первой. Скрипя рессорами, она прохлюпала по шатким плотам — понтонам, заменившим разрушенный Либавский мост. Из поднятого окошка высунулась рука в щегольской перчатке, предъявляя охране южных ворот свиток с королевской печатью. Свиток особого впечатления не произвёл. Пришлось добавить к нему горсть медных монет. Только тогда южные ворота благополучно отворились. Нежный экипаж, содрогаясь от отвращения, когда изящные колеса соприкасались с разбитой столичной

мостовой, принялся кружить по улицам, карабкаясь на монастырский холм.

Добравшись до ворот монастыря, которые доказали свою прочность, выдержав несчётное количество осад, каретка вздрогнула в последний раз и остановилась. Возница, под плащом которого обнаружили сбившийся набок пудренный парик и запачканная ли-врея, соскочил с козел и распахнул дверцу. Экипаж покинул холёный господин лет скорее пожилых, чем средних, и помог выбраться высокой даме весьма красивой наружности. Дама ёжилась, подбирала пышную юбку, куталась в помятый шерстяной плащ, брезгливо переступала по грязным плитам мостовой тонкими красными каблучками.

— Эже-ен! — с капризной нежностью протянула она. — Поторопись. Не держи нас на холоде.

Из кареты нехотя вылез мальчик, ещё не подросток, но уже не ребёнок. Дорожный плащ был ему короток, детский костюмчик чёрного бархата явно мал. Запястья торчали из рукавов, штаны не скрывали костлявых коленок, обтянутых простыми нитяными чулками.

Мальчик поднял взлохмаченную белую голову, поглядел на ворота, на стену красного кирпича, на ястреба, кружившего над высоким шпилем.

— Ну вот, мой юный друг, — сказал солидный господин бодрым сдобным голосом, — это и есть приют юношества, знаменитая Монастырская Академия. Чудом уцелела во время войны и не поступилась ни единым из своих принципов. Учиться здесь — большая честь. К счастью, моё положение позволило мне получить особое королевское разрешение. Ну как, нравится?

Мальчик уग्रюмо сдвинул брови, стиснул кулаки.

— Нет. Я хочу домой.

— О, мой дорогой! — всколыхнулась дама. — Августус, может быть, мальчику сначала нужно отдохнуть.

— Не думаю, — отрезал Августус, — ведь он же мужчина, не правда ли? Дисциплина и немного лишений — как раз то, что нужно юноше в его возрасте.

Затем достигла городских ворот насквозь мокрая повозка. Могучий возница, униженно кланяясь, безропотно уплатил положенную въездную пошлину и ещё небольшую мзду начальнику караула лично. Потом повозка долго пробиралась вдоль городской стены, пока не выползла на простор Соломенной площади, что у подножья Замкового холма. Площадь эту отродясь не мостили, так что зимой тут привольно лежала отчаянная грязь, а летом истолчённая сотнями ног пыль. Считалось, что крестьянским возам, прибывшим на городскую ярмарку, мостовая не требуется.

Возница пристроил повозку на задах торговых рядов, не спеша оглядел ярко намалёванные вывески двух-трёх трактиров, где принимали на ночлег подзадержавшихся в городе по торговым делам постояльцев, и скорым шагом направился к «Короне и раку», заведению, притулившемуся не на площади, а за углом, в узкой замусоренной щели под городской стеной. Роскошной вывески у заведения не имелось, зато на постой пускали всех без разбора.

Сзади из повозки выпрыгнул здоровенный чёрный пёс, потянулся, разминаясь, задрал ногу на колесо.

Спереди парусина откинулась. Наружу выполз растрёпанный пучок тряпок, который, казалось, держался вместе только потому, что крест-накрест был перевязан толстым крестьянским платком. Снизу из пучка торчали дамские ботинки того самого изящного фасона, который был в моде во фряжских землях лет двадцать назад.

Конь фыркнул, намекая, что пора бы заняться делом. Хозяйка шикарных башмаков потрепала его по шее и сноровисто принялась распрягать.

— Найдётся комната, — осторожно сознался хозяин «Короны и рака», — и лошадку вашу пристроим. За отдельную плату. Там, стало быть, дочка ваша. А сами вы кто будете?

— Мы есть шпильман, — отвечивал приезжий, качнув квадратными плечами, — как это по-вашему... о... скоморохи.

— А, лихие люди, что ли? Да мне всё едино. Только платите вовремя.

— Не лихие! Нон! — возмутился приезжий. — Шпильман! Жонглёры! Поём и пляшем, дъелаем разный трюк. Пока дождик, зима-осень, можем работать у тебя. Твоим гостям понравится. А когда тепло — весна, будем дъелать главный трюк, на площадь. Такой трюк никто не делать, только мы.

Крытый возок оказался у северных ворот позже всех, хотя мчался, будто на пожар. Уж очень северная дорога крута и извилиста. Зато ворота распахнулись мгновенно. Через минуту колёса и копыта загрохотали по битым-перебитым мостовым Дворцового холма, на скорую руку очищенным от обломков и упавших деревьев. Возница спешил, то и дело нахлёстывал

лошадей, которым всё время приходилось двигаться в гору, так что к северному входу дворца они подлетели в мыле. Дверца возка распахнулась, но никто не вышел. Проклиная всё на свете, возились внутри. Затем наружу высунулись грязные высокие сапоги и обтянутый хорошим сукном крепкий солдатский зад. Бранясь вполголоса, солдаты вытащили из кареты длинный рогожный свёрток.

— Разбойника поймали? — зевнув, осведомился старший охранник.

— Не твоего ума дело! — отрезал ловко спрыгнувший с коня господин в шитом на заказ, но очень грязном мундирном камзоле.

— В подземелье? — подали голос замученные подчинённые. Господин задумался. После всего, что пришлось претерпеть в дороге, подземелье казалось ему весьма привлекательным. Но нет, нет. Это всё-таки не годится.

— В Приказ, — велел он и застучал каблуками вверх по лестнице.

Следом поволокли неудобный свёрток.

Ястреб кружил над шпилем, а к городу уже медленно подкатывались тяжёлые зимние тучи.

И пришла зима, и прошла зима.

Часть 1

История Арлетты,
канатной плясуньи,
прибывшей в столицу
в размалёванной
повозке

Над чёрной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут раскрашенные дроги
Мой полинялый балаган.

А. Блок

Глава 1

День был на исходе. Пыльный жаркий день из тех, что случаются в самом конце весны. Наверху, в запущенных садах городского троехолмия доцветала сирень, облетали яблони, роняли на траву белые лепестки. Но здесь, на Соломенной площади, трава водилась только в виде прошлогоднего сена.

Гул торга медленно утихал. Лица коснулась прохлада. Тень башни уже легла на площадь, но камни стены, прислонившись к которой сидела Арлетта, ещё дышали жаром. Жаром несло от пыльного бока Фиделио, который толкался, норовя тоже заползти в тень. Слышно было, как он часто дышит, вывалив наружу широкий язык.

Арлетта устала. Руки и ноги набухли тупой болью, как мостовые брёвна речной водой, и казались такими же тяжёлыми и неуклюжими. Тряпичные браслеты с медными бубенчиками давили, как кандалы. Фиделио тоже делал вид, что устал, хотя ему никакой особой работы не поручали. Только таскать шапку, в которую восхищённые зрители бросали монетки.

— Allez, Арлетт!

— Я устала, — сказала Арлетта.

Фиделио согласно тявкнул.

Тень над головой стала гуще и шире. Солнце закрыли широкие плечи Бенедикта.

— Все устать, — согласился он, — но завтра есть воскресенье. Ничего не заработать.

Арлетта тяжело вздохнула.

— Последний раз, — настаивал Бенедикт, — без dance. Только проход и прыжок. Ещё несколько гильден для нашего треже.

— Хорошо, — покорила Арлетта, но не двинулась с места.

Ещё несколько минут отдыха, пока Бенедикт дудит в рожок, собирает народ. Играть по-настоящему он так и не научился. Но звук получался громкий, легко перекрывал гомон торга.

Рожок умолк. Арлетта встала, стряхнула с короткой юбчонки песок пополам с соломой, поправила слегка растянутое на коленях пёстрое лоскутное трико. Трико было велико и потому скручено на поясе в жгут, который отчаянно натирал тело.

Свистнул, рассекая воздух, длинный кинжал. Звякнув, зажужжал, завертелся на его острое медный шар. Раньше Бенедикт проделывал это, держа рукоять ножа в зубах. Теперь обходился руками, но публике всё равно нравилось.

Пора. Арлетта выпрямилась и стала считать.

Раз-два-три-четыре — пять шагов для разбега. Звонят бубенчики на ножных браслетах. Шесть-семь-восемь — три простых сальто и руки на плечах Бенедикта. Пахнет потом, ходят тугие мускулы, жужжит-крутится шар на острое ножа. Девять-десять — левая нога упирается в пояс Бенедикта, правое колено на его плече.

Встать. Выпрямиться. Комплимент с поклоном, воздушные поцелуи публике.

— Allez, Арлетт.

Гладкий шарик литого стекла точно лёг в подставленную ладонь. Несмотря на усталость, Арлетта поймала все три шарика, подбросила, закрутила в воздухе привычную карусель. Раз-два-три-четыре. Звенят-звенят бубенчики на руках. Она слышала, как Бенедикт тоже тихонько считает. Он бросал ножи. Раньше они с Катериной жонглировали факелами. Публике нравилось. Но Арлетта так не могла. Даже на ножи не решалась, хотя Бенедикт всё уговаривал попробовать.

— Ап! — крикнул Бенедикт, поймал свои ножи и её шарики.

Зрители похлопали, но умеренно. Все ждали главного.

— Allez, Арлетт!

Прыжок назад, обратное двойное сальто. Усталые ноги sprужинили плохо. Пятки крепко врезались в землю. Но жалеть себя было некогда. Раз-два-три... тридцать пять шагов вперёд. Руки на ступеньке верёвочной лестницы. Раз-два-три-четыре... пятьдесят ступенек вверх. Лезть быстро, чтобы публика не успела соскучиться. Не забывать оборачиваться, изящно откидываться назад, посылать воздушные поцелуи. Верхняя площадка. Каменный зубец башни. У основания зубца сложен плащ. Надеть плащ, прикрепить растяжки к браслетам. Поклон. Комплимент публике. В ответ одобрительный шум. Все ждут, когда она свалится. Бенедикт говорит, они всегда этого ждут. Не дождётесь.

Раз-два-три... Канат за день просел, потерял упругость. Но зато сухой. Тридцать восемь, тридцать девять,

сорок. Сорок шагов. На каждом пятом плавный взмах руками и плащом, вроде бы для равновесия. Ловить равновесие Арлетте не требовалось, но публике это нравится. Всё. Поворот. Поклон. Комплимент. Сорок шагов назад. Не спешить. Дать время Бенедикту взобраться наверх. Площадка. Пальцы Бенедикта повязывают на глаза шёлковый платок.

Тишина. Кажется, весь торг замер. Бенедикт начинает бить в барабан. Поворот. Сорок шагов вперёд. Не торопиться. Медленно. Звонят, звонят бубенчики на браслетах. На двадцатом шаге не забыть пошатнуться, сделать вид, что падаешь. Доставим публике удовольствие. Внизу ахают. Нет. Не дождётесь. Тридцать девять. Сорок. Сорвать платок, бросить вниз. Вот теперь аплодируют как надо.

Танца не будет. Значит, последнее. Раз-два-три... двадцать шагов разбег. Бубенцы гремят, как безумные. Совсем канат ослабел. На середине качает всего сильнее. Но это уже не важно. Прыжок! Удар воздуха в натянутый за спиной плащ. Раскрылись, затрепетали прекрасные крылья бабочки.

Раз-два-три-четыре — падение — трещат шёлковые крылья, браслеты врезаются в запястья и щиколотки — пять — руки встречаются с руками Бенедикта, повисшего вниз головой на средней ступеньке лестницы. Публика хлопает, свистит и орёт. Всё!

Арлетта зацепилась ногами за лестницу, отпустив Бенедикта, тоже повисла вниз головой, вздохнула с облегчением и перестала считать. Дальнейшее её не касается. Нужно только мило улыбаться и время от времени посылать воздушные поцелуи. Публика это любит.